

ИСЛАМ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ ПОСЛЕ 2014 ГОДА

МУРАТОВА

Эльмира Серверовна,

канд. полит. наук, доц. каф. полит. наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4).
E-mail: murelmira@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозной ситуации среди крымских татар, сложившейся после известных событий весны 2014 года. В ней рассматривается изменение структуры идентичности крымских татар, представление о роли ислама в жизни народа и изменения, имевшие место в религиозной сфере в течение последних нескольких лет. Статья написана по результатам фокус-группового исследования «Ценности и потребности крымских татар», проведённого автором в январе 2017 года. В работе ставится вопрос об актуализации конфессиональной составляющей в структуре идентичности крымских татар и по итогам исследования делается вывод, что этот процесс носит преимущественно декларативный характер. Возрастает и влияние традиционных ценностей, среди которых важная роль отводится исламу.

Ключевые слова: ислам, крымские татары, Крым, конфессиональная идентичность, ценности.

УДК 297.17

DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-133-144

События весны 2014 года изменили течение многих процессов в Крыму. Некоторые социологи назвали их «тектоническим сдвигом», подчёркивая степень их влияния на жизнь крымчан. При этом в работах исследователей отмечается, что изменение политико-правового статуса Крыма особенно остро затронуло крымских татар, в среде которых стали происходить значительные трансформации¹. Стала меняться привычная картина мира, расстановка сил внутри крымскотатарского сообщества, его отношение к этническим и религиозным институтам и т. д.² Имеют место миграционные процессы, которые в свою очередь влияют на внутримусульманский диалог в Крыму³. Важные изменения происходят в сфере ценностных ориентаций крымских татар. Ценности «традиционно устанавливали критерии желательности или нежелательности тех или иных целей, служили

¹ Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51.

² См.: Муратова Э. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 163–171.

³ См.: Yakubovych M. Crimean Muslims at the crossroads // The Ukrainian week. 2016. No. 6 (100). Pp. 42–44.

мощным мотивационным регулятором поведения людей. В связи с изменившимися условиями жизни закономерно происходит переосмысление и переоценка ценностей»¹. Как отмечают исследователи, изменение ценностей — это эволюционный процесс, в ходе которого «естественный отбор» проходят те ценности, которые в наибольшей степени пригодны для жизни в конкретных жизненных обстоятельствах. Понятно, что система взглядов обладает устойчивостью и за три года, прошедших с момента изменения статуса Крыма, претерпеть кардинальных изменений не могла. Вместе с тем контуры отдельных трансформаций уже видны и заслуживают пристального изучения.

В системе ценностей крымских татар традиционно важное место занимает ислам. Вся культура народа «пропитана» исламским «духом». В самые тяжелые, трагические периоды своей истории крымские татары искали утешение в религии. Ислам играет важную роль в процессе выживания народа, сохранения его идентичности и культуры. Политические изменения, произошедшие в новейшей истории Крыма, актуализируют конфессиональный компонент идентичности крымских татар, трансформируют их отношение к религиозным институтам и течениям. Их анализу и посвящена настоящая статья.

Работа написана на основе данных, полученных в ходе фокус-группового исследования «Ценности и потребности крымских татар», проведенного в январе 2017 года среди крымских татар Симферополя, Бахчисарая, Феодосии, Судака и пгт. Советский². В каждом населённом пункте состоялось по две фокус-группы. Каждая группа формировалась с учётом представленности разных возрастных, гендерных, социальных категорий (студенты/пенсионеры, работники бюджетной сферы/бизнес). Также были проведены интервью с руководителями крымскотатарских образовательных, общественных и религиозных организаций.

Методологической основой исследования стала работа Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия»³, посвященная трансформации ценностей. В ней авторы выделяют две бинарные пары ценностей, которые определяют поведение людей. Это ценности выживания/самовыражения и традиционные/рационально-секулярные ценности. Расположение народов и государств на карте ценностей авторы напрямую связывают с уровнем их социально-экономического развития и личной безопасности, утверждая, что «социально-экономическая модернизация приводит к ослаблению внешних ограничений свободы выбора, увеличивая материальные,

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 43.

² Исследование проведено совместно с Алимой Апселямовой и Ленорой Дюльберовой.

³ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

когнитивные и социальные ресурсы личности. Это приводит к усилению акцента на ценностях самовыражения»¹. Соответственно в нестабильных обществах, где такая базовая потребность человека, как самосохранение, не гарантирована, все жизненные принципы определяются борьбой людей за выживание. Массовая репатриация крымских татар после полувекового периода ссылки, совпавшая с распадом Советского государства, приведшим к резкому обнищанию граждан, утрата культурных и духовных ценностей крымских татар и угроза их постепенной ассимиляции в Крыму позволяют сделать вывод о доминировании среди них преимущественно ценностей выживания/самосохранения и традиционных ценностей, среди которых одну из ключевых ролей играет ислам. Эти ценности определяли вектор развития крымскотатарского народа на протяжении последних двух десятков лет и приобрели особую актуальность после весны 2014 года.

Трансформации в структуре идентичности крымских татар

Как показывают социологические исследования, проведённые в Крыму в конце 2015 года, с момента изменения политико-правового статуса Крыма в сфере идентичности крымских татар произошли серьёзные изменения. Гражданская (украинская) идентичность потеряла свою значимость. Ведущие позиции заняли этническая и региональная идентичность: 81% респондентов определили себя как крымских татар, 58% — как жителей Крыма, 51% — как мусульман»². Ещё один важный момент изменений, отмеченный исследователями, связан с увеличением роли конфессиональной идентичности среди крымских татар, критично настроенных в отношении новых социально-политических условий. Как выяснилось, особенно высокий процент последних наблюдается среди жителей Симферополя, 86% которых выбрали вариант ответа «Я — мусульманин» (для сравнения в Севастополе — 30%, в других крымских городах — 46%)³. Социологи объясняют это тем, что «наиболее урбанизированные, квалифицированные слои крымских татар, проживающие в Симферополе и оказавшиеся в центре событий “крымской весны”, испытали стресс, несоизмеримо больший, чем проживающие в других поселениях Крыма. Среди них фиксируются крайне пессимистические

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. С. 12

² Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 52, 62.

³ Там же. С. 65.

оценки ситуации в отношении реализации политических, экономических и социокультурных прав, они более политизированы»¹.

Исследователи обращают внимание на то, что религиозность крымских татар носит в основном декларативный характер. Несмотря на достаточно высокий процент тех, кто определил себя в первую очередь как мусульманина, доля практикующих мусульман среди них не так высока. Например, «среди религиозных обрядов и ритуалов ислама крымские татары в большей степени делают пожертвования (95%, в т. ч. 35% заявили о том, что делают их регулярно), держат пост во время Рамадана (69%, в т. ч. 15% — регулярно), реже — молятся по пятницам в мечети (54%, в т. ч. регулярно — 7%), совершают намаз (44%, в т. ч. регулярно — 6%). Однако только 2% заявили о том, что они молятся пять раз в день, в пятницу посещают мечеть, соблюдают пост в Рамадан и подают милостыню (то есть являются практикующими мусульманами), ещё 5% заявили о том, что совершают эти действия иногда»².

Эти данные в целом коррелируют с результатами социологических исследований, которые проводились на полуострове до 2014 года³, хотя доля практикующих мусульман в исследовании 2015 года оказалась несколько ниже. Это может быть объяснено, во-первых, отъездом из Крыма значительного числа практикующих мусульман и таким образом уменьшением их доли в общем числе крымских татар⁴, а во-вторых, новым политическим контекстом, в рамках которого проходило исследование. Атмосфера напряжённости и недоверия, созданная на полуострове действиями силовых структур (обысками в домах и мечетях, задержаниями и арестами крымских татар), могла повлиять на нежелание практикующих исламские нормы крымских татар демонстрировать свою религиозность и вообще участвовать в исследовании. Как отмечали Д. Мухетдинов и А. Хабутдинов, подобные действия силовых структур «зачастую становятся не столько реальной борьбой с экстремизмом, сколько созданием негативного фона по отношению к российским властям»⁵.

Данные социологического опроса о преимущественно декларативной направленности религиозности крымских татар находят своё

¹ Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3.

² Там же. С. 67.

³ См.: Червонная С. М. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. Крымскотатарское национальное движение. Т. 4: 1994–1997 годы / под ред. М. Н. Губогло. М., 1997. 342 с.; Муратова Э. С. Крымские мусульмане: взгляд изнутри (результаты социологического исследования). Симферополь: ЧП «Элиньо», 2009. 52 с.

⁴ Сложно назвать точное число крымских татар, уехавших из Крыма, однако, согласно данным крымскотатарских активистов и членов Меджлиса крымскотатарского народа (организация запрещена в РФ), полуостров покинуло от 15 до 30 тыс. человек [7, р. 43].

⁵ Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контекст общего развития региона // Ислам в современном мире. 2014. № 4(36). С. 57.

подтверждение и в материалах фокус-групп. Как будет показано ниже, восприятие ислама в качестве стержневого элемента этнической культуры напрямую не связано с соблюдением основополагающих норм религии.

Место ислама в жизни крымских татар

Подавляющее большинство крымских татар признают ключевую роль ислама в жизни народа, в формировании его культуры и мировоззрения. Согласно их представлениям, ислам — это неотъемлемая часть культуры, более того, это её основа, стержень. Причём, как показало исследование, такое отношение к религии характерно как для тех крымских татар, которые соблюдают основные столпы ислама, так и для тех, кто их не соблюдает. Вне зависимости от этого, все они убеждённо называют себя мусульманами и высказываются за то, чтобы не потерять связи с религией:

«Ну, религия для меня — это ежедневное обязательство, это очень важная часть моей жизни. Это практика религиозная, помимо всего прочего. Поэтому я считаю, что это неотъемлемая часть не только меня, но и всех крымских татар» (жен., 28 лет, Симферополь).

«[Ислам играет. — Примеч. авт.] первую роль, я считаю. Для меня, во всяком случае, для моей семьи, самую первую. Потому что вера — это первое, поэтому религия в моей семье — это очень большое» (жен., 61 год, Феодосия).

Следует отметить отсутствие поколенческих различий в этом вопросе. Своё одобрительное отношение к роли ислама в жизни народа продемонстрировали респонденты разных возрастных категорий. Поступательное распространение секулярно-рациональных ценностей среди крымских татар в годы советской власти было прервано в начале 1990-х гг. Актуализированные в те годы ценности выживания (связанные с репатриацией, необходимостью начать все «с нуля», распадом СССР и др.) обусловили поворот секуляризированных прежде категорий людей к традиционным ценностям, среди которых религия стала играть одну из ключевых ролей. Вопрос выживания/самосохранения народа на своей исторической родине сохранял свою актуальность на всём протяжении украинского периода истории Крыма. По этой причине для молодёжи, родившейся накануне или после репатриации, ислам также стал одним из важнейших ценностных ориентиров.

Другим актуальным вопросом крымскотатарского дискурса является вопрос о соотношении религиозного и этнического начал в культуре народа. Ему посвящены десятки публикаций в этнической прессе и многочисленные дискуссии на разных научных и медийных площадках. Несмотря на наличие разных точек зрения (большинство полагает, что оба компонента одинаково важны), есть категория людей (главным образом молодёжь), для которых он однозначно решается в пользу религии:

«Я сталкивался с таким моментом, когда многие задают такой вопрос: что для вас важнее — ислам или национальные истоки. Я считаю, что для каждого на первом месте должна быть религия. Крымские татары — это народ, который образовался на основе ислама, все корни идут от ислама. Если мы уйдём от ислама, мы уже не крымские татары» (муж., 20 лет, Судак).

Рассматривая ситуацию с развитием ислама, крымские татары, в целом, отмечают положительную тенденцию после возвращения народа из мест депортации. Показательными моментами для них является рост числа мечетей и людей, практикующих нормы религии. В частности, они обращают внимание на приобщение к религиозным ценностям молодёжи¹. Особенно акцент на этом делают представители старшей возрастной категории, для которых ситуация с религиозностью нынешней молодёжи разительно отличается от той, что составляет их собственный опыт:

«Меня радует, что люди все-таки возвращаются к исламу, меня радует, что молодёжь соблюдает ислам. У нас есть молодёжь, которая пять раз в день делает намаз. Наша молодежь вообще не делала намаз. Мы не знали, что такое ифтар, ораза. Главное нам вернуться в ислам» (жен., 54 года, Судак).

В приобщении молодых людей к исламу старшее поколение крымских татар видит возможности для сплочения народа, что для многих из них является крайне важным:

«Молодёжь сейчас, я удивлён, в джами ходит. Мечети наши наполнились. Молодёжь очень сплотилась, и, по-моему, всё хорошо сейчас у нас насчёт религии» (муж., 57 лет, пгт. Советский).

«25 лет назад два-три человека ходили в мечети, а сейчас все мечети полные. И это говорит о том, что народ все-таки сплочивается, и в основном в лице молодёжи. Каждую пятницу более 200 человек приходит в нашу мечеть, и 95% из них — это молодёжь» (муж., 65 лет, Судак).

С возвращением религиозных ценностей крымские татары связывают не только возможности сплочения народа, но и распространение нравственности среди людей, в том числе толерантного отношения к представителям других культур:

«Положительная тенденция, что молодёжь начала тянуться к религии, и, если знание религии будет всё больше доходить до молодых, тогда мы, наверное, будем и нравственно повышать себя. Потому что в исламе всё чисто, всё честно, и он ведёт только к процветанию и толерантному отношению к другим национальностям» (муж., 57 лет, пгт. Советский).

Наряду с позитивным восприятием общего процесса исламского развития в Крыму многих крымских татар настораживает распространение

¹ Согласно социологическому исследованию, проведенному в 2008 году, примерно 13% крымских татар в возрасте 18–29 лет назвали себя глубоко верующими мусульманами [4, с. 11].

религиозных сект и «нетрадиционных» течений, появившихся после возвращения из мест депортации. В них многие видят фактор раскола народа, его отхода от унаследованных от предков традиций, а следовательно, угрозу выживанию/самосохранению крымских татар на своей родине:

«Даже в Феодосии три-четыре группировки. Каждый своё, каждый исповедует ислам, один идёт налево, другой направо, третий вперёд смотрит. Я просто в шоке от того, что творится!» (муж., 62 года, Феодосия).

«Скажу по поводу течений. Есть течения, которые сбивают с толку, то что нам было донесено от бабушки и дедушки. Моя тетя тоже из такого же течения, она всё время говорила ей [бабушке. — Примеч. авт.], что она это не так делает, то не так делает. Бабушка всё время обижалась и говорила, что я живу так, как преподнесли мне моя мама и бабушка, а они меня сбивают с толку» (муж., 20 лет, Судак).

Страх подорвать свои религиозные устои, составляющие основу традиционной культуры крымских татар, и ускорить тем самым процесс ассимиляции, побуждает их занимать порой агрессивную позицию по отношению ко всему, что, с их точки зрения, кажется «вредным». Это зачастую находит выражение в навешивании ярлыков и кличек и в противопоставлении «своих» и «чужих». Крымских татар такое положение дел в народе явно не устраивает. С их точки зрения, происходит это главным образом от незнания своей религии:

«В религии идёт разделение. Если человек делает дува [молитва Аллаху. — Примеч. авт.] и читает намаз, ему говорят: “А, так ты ещё из этих!?” Из этих, из тех, какая разница? Не зная истоков религии, ты уже ставишь клеймо на человеке и говоришь, твоё течение неправильное» (жен., 29 лет, Судак).

«Сейчас течений много, и когда ты ведешь правильный образ жизни, [на тебе. — Примеч. авт.] сразу ставят клеймо. Я сам по себе не пью и не курю, и в процессе общения мне говорят: “Ты не вовчик?” То есть от незнания есть боязнь» (муж., 29 лет, Судак).

Дискуссии о «традиционном» и «нетрадиционном» исламе активно шли в крымскотатарском сообществе на протяжении последних десяти лет. Однако их острота заметно снизилась под влиянием событий весны 2014 года, которые актуализировали новые вызовы.

Изменение ситуации в религиозной сфере после 2014 года

Одним из актуальных вопросов современного развития крымскотатарского народа является вопрос о состоянии уровня его религиозности. Одной из гипотез исследования было предположение о том, что под влиянием глубоких потрясений, пережитых людьми весной 2014 года,

уровень религиозности мог возрасти. Признаком этого мог бы стать рост числа практикующих мусульман. Однако, как показали результаты социологического исследования 2015 года, упоминаемого выше, этого не наблюдается. Фокус-групповое исследование также не подтвердило этой гипотезы. Большая часть респондентов не заметила каких-либо существенных изменений в исповедовании ислама крымскими татарами в последние несколько лет. По их мнению, число мусульман, посещающих мечети по пятницам и соблюдающих другие нормы религии, остается примерно одним и тем же. Кроме того, их личное отношение к исламу за этот период также не претерпело изменений:

«У меня все стабильно. Мне говорили бабушка с дедушкой, что мы мусульмане, что наша религия является основой нашей жизни. Так оно и есть» (жен., 28 лет, Симферополь).

«Мое отношение к религии никогда не поменяется. Я верующий человек. Стараюсь в таком же духе воспитывать детей, проводим дувалар, конечно же. Моя дочка в пять лет знала дувалар, и мы каждый вечер читали их, то есть это обязательство. Я думаю, что так должно быть в каждой семье» (жен., 28 лет, Бахчисарай).

Включенное наблюдение позволяет увидеть, что изменения в уровне религиозности крымских татар если и имели место, то носили кратковременный, эпизодический характер. Они были реакцией на резко меняющуюся политическую обстановку в Крыму, сопровождавшуюся обилием страхов, реальных и мнимых угроз. Обращение к религии было попыткой обрести «почву под ногами», в ситуации, когда иные социальные институты ясных ответов на вопросы предложить не могли. В результате значение конфессиональной самоидентификации крымских татар (особенно у тех, кто недоволен существующим положением дел в Крыму) возросло, но это не повлекло за собой увеличения доли практикующих мусульман. Таким образом, действительно, конфессиональная идентичность крымских татар остаётся во многом декларативной:

«То, что произошло в 2014 году, было эмоциональным порывом, когда все мы переживали, боялись за своё будущее. Все побежали в мечеть читать Коран, надели платки, тюбетейки... Как только все оказалось стабильным и понятным, ситуация обрисовалась более-менее, этот эмоциональный порыв начал спадать. Это как, знаете, на дженазе, бывают переживания духовные, может, я что-то начинаю для себя открывать, о чём-то задумываться, а потом, через два часа, я обо всём забываю. Вот что произошло в 2014 году. Раз! Как скачок на кардиограмме» (муж., 33 года, Симферополь).

Если уровень религиозности крымских татар после 2014 года в целом остался прежним, то условия, в которых происходит развитие ислама в Крыму в последние три года, претерпели существенные изменения. Одним из наиболее заметных новшеств стало ужесточение

законодательства в отношении деятельности ряда исламских групп и организаций¹. Как показало исследование, эта новая реальность борьбы с экстремизмом многих крымских татар пугает:

«Да, они это расценивают как исламский радикализм. Всех под одну гребёнку. Это очень, как по мне, страшная угроза, которая нависает над крымскими татарами сейчас. Независимо от того, приверженцы они радикального течения, либо нерадикального. Если ты посещаешь джамы, если делаешь намазы, значит, ты на 80%, по их мнению, радикал исламский» (муж., 30 лет, пгт. Советский).

Ещё одним важным изменением в развитии ислама в Крыму стало закрытие исламских учебных заведений (как правило, по причине их несоответствия санитарно-эпидемиологическим и другим нормам, необходимым для функционирования учебных заведений в РФ)² и новые правила работы мечетей:

«Единственное, что сейчас религия не изучается. Медресе у нас было в Старом Крыму, но его закрыли <...> У нас джамы всегда должны быть открыты, чтобы любой человек, любой путник мог зайти и помолиться. А сейчас нас заставляют джамы закрывать под замок <...> Мотивируют тем, что там могут оружие прятать» (муж., 65 лет, Судак).

Следует отметить, что случаи преследования крымских татар по религиозному признаку не находят понимания среди подавляющего большинства их соплеменников, даже весьма далёких от религии. Многие воспринимают их как несправедливое давление, осуществляемое по отношению к крымским татарам в целом. Более того, как было выявлено в ходе исследования, задержания и аресты мусульман стали фактором, способствующим сближению крымских татар, принадлежащих к разным исламским течениям:

«За эти три года, наверное, единственное что изменилось — это отношение к этой проблеме. То есть это всегда было для нас проблемой, эти религиозные течения, очень много проблем создавали и провоцировали регресс, а не прогресс. А сейчас у нас что-то изменилось, мы стали относиться к ним с сочувствием. Это наши люди, наш народ. Мы живем с ними рядом, мы соседи. У нас появилось сочувствие к ним» (жен., 50 лет, Бахчисарай).

Один из участников исследования обратил внимание на возможные изменения в расстановке сил внутри мусульманского сообщества Крыма, после того как осуждённые за «экстремизм» крымские татары выйдут из тюрем. По его мнению, они будут восприниматься молодежью как герои, и это подорвёт позиции «традиционного ислама»,

¹ Речь идет прежде всего о запрещенной в РФ организации «Хизбут-Тахрир», несколько десятков представителей которой были арестованы и подвергнуты уголовному преследованию.

² В настоящий момент в Крыму действует лишь одно медресе — Азовское медресе в Джанкойском районе, но и оно пока не получило лицензии на ведение образовательной деятельности.

который из-за нынешних действий официальных религиозных структур будет скомпрометирован:

«И представьте себе, что завтра изменится ситуация. И эти люди вернутся, они вернутся героями для молодых людей. А те, кто сегодня, так сказать, отошёл в сторону и говорят: “Мы занимаемся только религией”, — они потеряют всё. Здесь ценности поменяются. Вот чего я в принципе опасаясь. Эти течения ненормальные, с нашей точки зрения. Но те авторитеты, которые были и которые сейчас как бы поддерживаются в определённых кругах, они будут низвергнуты. И когда они будут низвергнуты, вот этот традиционный ислам, который был у нас, получит низвергнут. А кто вышел из тюрем? А из тюрем вышли герои. Вот что изменится» (муж., 57 лет, Бахчисарай).

Таким образом, вопрос религиозного разобщения для крымских татар постепенно уходит на задний план. На смену ему приходит апелляция к единству, сплочённости как средству преодоления тех трудностей, которые появились в жизни народа после весны 2014 года.

Выводы

Доминирование в системе ценностных ориентаций крымских татар ценностей выживания/самосохранения, обусловленное влиянием исторических и новейших событий, определяет их отношение ко многим социальным институтам и процессам. Особое место в этой системе принадлежит исламским ценностям, что наглядно демонстрирует традиционность культуры крымских татар. Важное значение ислама в жизни народа отметили практически все респонденты, независимо от степени их религиозности. Ислам — это основа традиций, культуры, это объединяющее начало и т. д. Именно ислам, согласно мнению большинства респондентов, сумеет объединить людей, помочь сохранить их культуру и идентичность. Следует обратить внимание на отсутствие поколенческих различий в вопросе религии. Своё одобрительное отношение к роли ислама в жизни народа продемонстрировали респонденты разных возрастных категорий. Вместе с тем, исследование подтвердило вывод о декларативности конфессиональной идентичности крымских татар, отмеченной ранее рядом исследователей.

Ценности выживания/самосохранения определяют и отношение крымских татар к распространению разных религиозных течений и групп. Они — источник разделения, забвения унаследованных от предков традиций, а значит, угроза существованию народа. Именно так воспринималась их деятельность на протяжении последних нескольких десятков лет. Однако, как видно по результатам исследования, постепенно происходит переосмысление содержания внутриисламского

диалога в Крыму. Инстинкт самосохранения диктует крымским татарам необходимость сближения независимо от их принадлежности к разным исламским течениям. Как видим, после 2014 года религиозные различия становятся вторичными перед лицом реальной или мнимой угрозы безопасности народа со стороны новой власти.

Литература

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

Муратова Э. Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 163–171.

Муратова Э. С. Крымские мусульмане: взгляд изнутри (результаты социологического исследования). Симферополь: ЧП «Элиньо», 2009. 52 с.

Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контекст общего развития региона // Ислам в современном мире. 2014. № 4(36). С. 51–58.

Червонная С. М. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. Крымскотатарское национальное движение. Т. 4: 1994–1997 годы / под ред. М. Н. Губогло. М., 1997. 342 с.

Yakubovych M. Crimean Muslims at the crossroads // The Ukrainian week. 2016. No. 6(100). Pp. 42–44.

References

Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernisazia, Kulturnie Izmenenia i Demokratia: Posledovatelnost Chelovecheskogo Razvitiya* [Modernization, cultural change & democracy]. Moscow. Novoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russian).

Mukomel V., Khaikin S. (2016). *Krimskiye Tatari Posle «Krimskoy Vesni»: Transformazia Identichnostey* [Crimean Tatars after the 'Crimean Spring': Transformation of Identities]. *Monitoring obshestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. № 3. Pp. 51–68. (In Russian).

Muratova E. (2016). *Musulmane Krimea v Novih Politicheskikh Realiah* [Muslims of Crimea in New Political Realities]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. № 5. Pp. 163–171. (In Russian).

Muratova E. S. (2009). *Krimskie Musulmane: Vzgliad Iznutri* (Rezultati Sociologicheskogo Issledovaniya) [Crimean Muslims: View from Inside (the Results of the Sociological Survey)]. Simferopol: ChP «Elinio», Ukraine. 52 p. (In Russian).

Mukhetdinov D., Khabutdinov A. (2014). Krim: Musulmanskaya Obscina v Kontexte Obscego Razvitiya Regiona [Crimea: Muslim Community in the Context of General Development of the Region]. *Islam v sovremennom mire*. № 4(36). Pp. 51–58. (In Russian).

Chervonnaya S. M. (1997). Vozvrashchenie Krimskotatarskogo Naroda: Problemi Etnokulturnogo Vozrozhdeniya [The Return of the Crimean Tatar People: Problems of Ethno-cultural Revival] // Krymskotatarskoe natsional'noe dvizhenie: 1994–1997. Moscow. 342 p. (In Russian).

Yakubovych M. (2016). Crimean Muslims at the crossroads. *The Ukrainian week*. № 6(100). Pp. 42–44. (In Russian).

Islam in Public and Political Life of Countries and Peoples

ISLAM AND THE CRIMEAN TATARS AFTER 2014

Elmira S. MURATOVA,
senior lecturer at the Department
of Political Science and International
Relations. Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky
(4, Av. Vernadskogo, Simferopol,
Republic of Crimea, 295000,
Russian Federation).
E-mail: murelmira@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the religious situation among the Crimean Tatars, which came after events of the spring 2014. The article deals with the change in the identity structure of the Crimean Tatars and with the perception of the role of Islam in the life of the people. The assessments of respondents regarding changes in conditions in the

development of Islam in Crimea and the situation in the intra-Muslim dialogue are given within. The author draws attention to the dominance of survival / self-preservation values among the Crimean Tatars, and to the growing influence of traditional values, among which an important role is assigned to Islam.

Keywords: Islam, Crimean Tatars, Crimea, confessional identity, values.

UDC 297.17

DOI: 10.22311/2074-1529-2017-13-1-133-144

